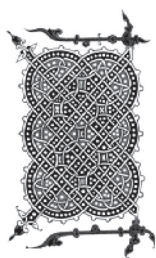

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ОЧЕРКИ

© 2022 С. С. Савоскул
Москва, Россия

ОДНА СТАРУХА (ИЗ ПОЛЕВОГО ДНЕВНИКА АВТОРА)

Аннотация. Ограничивая себя рамками научного очерка, автор ставит перед собой задачу сохранить в целостности и невредимости полевой материал, который при исследовательской аналитике, как правило, весь распыляется, разносится на цитаты, сохраняя, в лучшем случае, «закваску» – подтверждение подлинности – для авторского научного исследования. Здесь же подлинность говорит сама за себя, а для исследователя важно выйти на уровень народной драматургии, показать, как в капле воды, что любой разговор «в поле» имеет неслучайный характер. Кто расписывает эти роли и сюжеты, автор не задумывается, но ему важно, что и «роли», и «сюжеты» наличествуют, хотя встреча его с обычной жительницей Алтайского края Феклой Семеновной и носит как будто случайный характер. Это этнографический научный рассказ. Такова здесь авторская методология.

Ключевые слова: полевое этнографическое исследование, этнографический научный рассказ, Горно-Алтайская область, старообрядцы, книжность.

Ссылка при цитировании: Савоскул С. С. Одна старуха (из полевого дневника автора) // Традиции и современность. 2022. № 31. С. 59–67.

Савоскул Сергей Сергеевич (Savoskul Sergey Sergeevich) – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, эл. почта: family.savoskul@gmail.com

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2022. № 31. С. 59–67

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК – 929; 091; ББК – 71.1; 74.24; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2022-31/59-67>

Фекла Семеновна

Село Верхний Уймон, Усть-Коксинский р-н, Горно-Алтайская автономная область, 1982 год

Изда у Феклы Семеновны за три года, прошедшие с моего прошлого приезда, как будто немного постарела, но по-прежнему сохраняла свое крестьянское достоинство. Все тот же блестящий, толстый от времени слой коричневой краски лежал на крыльце.

В полутемных сенях я обмел снег со своих войлочных ботинок «прощай, молодость» и по старой памяти дернул за дверную ручку справа. Левая половина, помнится, и три года назад была нежилой.

Войдя в избу, я сперва подумал, что в ней никого нет. В глаза бросилось яркое лоскутное одеяло, закрывавшее кровать, по-прежнему стоявшую слева от входа. Но в следующую минуту послышалось какое-то движение на печи, и я, не успев еще отойти от порога, повернул голову в сторону звука.

Из-за пестрой занавески, находящейся как раз на уровне моей головы, послышался женский голос: «Кто это?».

Не зная, что ответить, я начал: «Фекла Семеновна, я как-то был у вас года три назад...».

Занавеска закачалась, и показались ноги в белых шерстяных носках. Лица я еще не успел рассмотреть, услышал лишь несколько встревоженный, как мне показалось, голос: «Саша, Игорь?».

– Да нет, Сергей меня зовут.

Следом за ногами появилась и их хозяйка – старушка в темном платочке и таких же кофте и юбке. Не слезая с печи, она вгляделась в меня и сказала: «Чтой-то я тебя не признаю. Кажись, знакомый, а не припомню».

– Я был у вас летом, три года назад, – повторил я, – про старину расспрашивал. Вы мне и книги свои показывали.

– Не помню, – ответила старушка, обула валенки и слезла с печи.

– Забыли, должно быть.

– Стара стала, забываю быстро, – согласилась хозяйка. – Да ты садись, раз пришел.

Я сел на лавку у стола. Старушка села по другую его сторону и, еще раз внимательно поглядев на меня, спросила: «Так ты чей же будешь?».

– Из Москвы я, бабушка, стариной интересуюсь.

– А я думала, из Академгородка. Там живут мои знакомые, что дом Рериха строили. Ты, может, знаешь их – Игорь, Саша, есть у них и Сережа.

– Нет, не знаю, да я в Академгородке и не бывал ни разу.

Тут кто-то затопал по лестнице, потом загрело в сенях. Хозяйка обеспокоенно взглянула на дверь. В избу вошел, пригнувшись в дверях, здо-

ровый мужик в телогрейке и белых валенках. Снял старенькую ушанку, открыв буйную нечесаную голову, и прошел на середину избы. Я увидел обветренное, красное, помятое лицо и щетину на подбородке, несколько дней не выдавшем бритвы.

– Здравствуй, бабушка Фекла, – гаркнул он и посмотрел на меня бледно-голубыми воспаленными глазами с какой-то сумасшедшинкой.

– Здравствуй, – ответила старушка. – Ты коня-то мне привел?

– Нет, вот посижу и пойду, – сказал вошедший и сел на приступок у печки.

– Не работаешь? – каким-то укоризненно-скорбным голосом спросила его Фекла Семеновна.

– Нет, мучаюсь.

– Дома-то живешь? – не изменяя тона, спросила она.

– Ночевал дома, – ответил мужик нехотя. – А вы кто будете, что-то не узнал вас, – обратился он ко мне, видимо, приглядевшись как следует.

– Я из Москвы, историк.

– А, понятно, – многозначительно протянул он, – раз историк, то все понятно. Зовут вас как?

– Сергеем.

– А величают?

– Сергеевичем.

– А я Федор, племянник бабушки Феклы. Историк, говорите. Это хорошо. У нас бывал историк из Новосибирска, тоже бабушку все расспрашивал. Вот фамилию забыл, а звали Николай Николаевич. Он еще потом журнал какой-то присылал, о кержаках там писал.

– Так это, наверно, Покровский.

– Вот правильно, Покровский Николай Николаевич, – обрадовался Федор. – А вы здесь первый раз или уже бывали?

– Бывал как-то. Я вот и фотографии привез. Наш фотограф снимал тогда кое-кого, а фамилии записать забыл. Посмотрите, может быть, узнаете. Правда, здесь, кажется, все больше мультинский народ, уймонских-то мало.

Фекла Семеновна с племянником склонились над фотографиями. Федор быстро просмотрел все и отложил – «Нет, не узнаю».

– Мультинских людей и не узнаешь, – удивилась его тетка. Этот вот, – она назвала имя, – да и этих я знаю, – показала она на несколько фотографий, с которых на нас глядели старушки, все больше в одиночку и лишь изредка, в основном те, что помоложе, с немногими из оставшихся в живых стариками. Сняты они были – иная во дворе, иная в избе за кроснами, а то и с ухватом.

– Вишь, я бабок-то мало знаю, – шутя, оправдывался Федор. – Алкашей мультинских знаю, а бабок нет.

Я записал имена людей, узанных хозяйкой, чтобы отдать им фото, и положил дневник вместе с фотографиями в карман куртки.

Фекла Семеновна замолчала, я тоже не знал, с чего начать разговор, – смутил Федор. Минуты две просидели молча. Прервал молчание племянник.

– Баба Фекла, – начал он немного смущенно, – ты, там... налей.

– Нет ничего, – сразу же встрепенулась старушка. – Одна гуща осталась, – Федя-то все попил. Ночь спать не давал, капусту ел и пил помаленьку.

– Вот гущи-то и налей, мне в самый раз, – уже тверже сказал гость.

– Не налью, не про тебя, Федя, готовлено, – возмущенно, но чуть-чуть растерянно отказала старушка.

– Налей, налей... – сказал племянник. В его голосе уже слышались снисходительно-уверенные нотки. – Мы с человеком выпьем, – нажал Федор на хозяйкино чувство гостеприимства.

На это старушка уже не могла возразить, пошла за печь и принесла к столу ковшик мутной светло-коричневой жидкости. Налила племяннику в зеленую эмалированную кружку, а мне в граненый стакан.

– Мне не лейте, я не хочу, – попытался я отказаться, понимая в душе, что дело это безнадежное.

– За компанию-то выпей, – уговаривал Федор. – Попробуй нашей травянушки.

– Так это травянушка?

– Она самая, – вставила слово хозяйка.

– И из чего же ее делают? – спросил я и подумал, что дело принимает уже этнографический поворот, а раз так, то выпить не только не грех, но просто производственная необходимость.

– А ты выпей и сам згадай, – улыбаясь, ответила старушка.

– Ты, поди, всего сюда накидала, – предположил Федор, поднимая кружку.

Выпили что-то теплое, сладковатое, со странным незнакомым привкусом.

– Угадал? – обратилась ко мне бабка Фекла.

– Нет.

– Тут и солод, и морковь есть, и травы всяки. Ее с хмелем делают, да у меня его нет, – пояснила хозяйка и добавила умиротворенно-безнадежно, – я для кур приготовила травянушку-то, а они у меня все попили.

– Для кур? – удивился я.

– Для кур, – лукаво подтвердила хозяйка. – Ею только и кормим.

– Как это?

– Тут, видишь, какое дело, – пояснил Федор, – кто сопрет мешок-другой зерна ли, сечки ли, тот и продаст. А без выпивки тут нельзя, а коль пить не-

чего, то и на травянушку согласятся.

– Теперь понятно, – ответил я.

– Уж не знаю, чем и умолить Бога да Николу Угодника, чтоб не пили. Замучили вы меня, – опять взмолилась старушка, глядя на племянника.

Тот сидел с видом, как бы говорившим, – сам понимаю и сочувствую вам, но что поделаешь...

– А сейчас это у вас давно? – спросил я.

– Да уж вторую неделю остановиться не могу, горит все.

– И работы-то от вас никакой, и женам-то вы не нужны, такие-то, – запричитала хозяйка.

– Да ясно, это-то... – смущенно согласился Федор.

– И что же вы все пьете, кто бы водку эту оканную отменил? Хотя бы перерыв сделали. Сгорели бы они, эти заводы! Директор вас ругает, наказывает, вычитают с вас, а баба его везет ящиками, бери – не хочу! Тут гляжу, опять в свой магазин цельну машину приперла. Не пойму – как это так – муж одно, жена – другое! А вы пьете, ровно телята...

– Нет нигде правды, – заговорил Федор. – Вы люди умные и хорошие, но вы ничего не сделаете.

Немного помолчав, Федор неожиданно сказал: «Страшно сейчас, как люди об обогащении думают. Бабы о тряпках, мужики о машинах. Вплоть до того, что у бабок скот колют. Воруют и колют. Как-то мужики бычка килограммов на 400 поймали. Давай, мол, заколем. – А я им говорю: – чей он? Может быть, у его хозяина денег полно, а может быть, он какой-нибудь бабки, у которой одно разбитое корыто в доме. Заколем бычка – лишим ее всего. Не стали колоть. А если бы я подписался, то все».

Закончив свою филиппику, Федор добавил: «Тут на Уймоне мужиков пятнадцать непьющих, остальные – алкаши». Видно, как ни уходил он в сторону от теткинх уккоризн, все же они бередили его душу.

– Кто же тогда работает, – заметил я, – какая от алкашей работа?

Федор обиделся: «Знамя-то ведь совхоз получил, значит, и они работают. Хотя, конечно, – согласился он, – если бы отцы наши так пили, то с голоду померли бы. – Потом обернулся к тетке, – Ну ладно, бабка Фекла, пойду я. Спасибо за угощение».

Мы остались вдвоем. Чтобы с чего-то продолжить разговор, я решил уточнить время появления первых русских поселенцев в Уймонской долине.

В прошлый раз Фекла Семеновна называла мне своих предков по мужской линии, начиная с Василия Атаманова, по преданию, появившегося на Уймоне одним из первых. Получалось, что нас от него отделяет приблизительно лет двести. Теперь я решил проверить эту дату по поколениям других старожильческих семей. Кроме Атамановых, другая из

наиболее известных старых фамилий Верхнего Уймона – Бочкаревы. Кстати, по словам Феклы Семеновны, они расплодись здесь так, что еще недавно «почти весь Уймон Бочкаревы были. Атамановы-то по сравнению с ними меньше плода дали». Из старых фамилий в селе еще Черновы и Черепановы.

Линию Бочкаревых Фекла Семеновна знает хорошо – ее муж был из них. Этот род на Уймоне идет по прямой линии от Кузьмы. От него пошли друг за другом – Гаврила, Михайло, Иван, Андрей и Феофан Андреевич – муж хозяйки. С внуками хозяйки это уже восемь поколений. Значит, Кузьма Бочкарев, как и Василий Атаманов, жил лет двести назад – в последней четверти XVIII в.

В общем, это не противоречит и известиям о времени заселения Бухтармы, откуда, скорее всего, и появились первые русские поселенцы в верховьях Катуня.

С бухтарминскими жителями уймонцы постоянно общались с первых же лет поселения в здешнем крае. Они часто рождались с ними. Уймонские брали девок на Бухтарме, нередко было и наоборот. Брали девок и с Ануя – из Талицы, Коргона, Чечулихи, а уж из соседних деревень на Катунь – Огневки, Гагарки, Усть-Коксы, Катанды, Нижней деревни все время брали.

Когда мы понемногу разговорились и мне показалось, что хозяйка вроде бы расположилась ко мне, я спросил – нет ли у нее старых книг. Вдруг, думаю, попадется какой-нибудь интересный сборник. Фекла Семеновна достала с полки еще с прошлого раза известную мне «Кормчую».

– Эту я у вас уже видел.

– А вот еще книжечки, мне люди в Мульте дали почитать, – сказала старушка и достала с полатей две книжки.

Обе были в переплетах из тонких голых дощечек, залоснившихся от частого пользования. Дощечки скреплены кожаными ремешками.

– Почитай, – сказала мне хозяйка. – Ты по-старому-то умеешь?

Я взял ту, что была потолще, открыл крышку и прочел рукописное заглавие, украшенное красными, синими и зелеными виньетками в виде стеблей и цветов – «Зборник духовных стихов».

Фекла Семеновна присела за стол рядом со мной.

– Мальчик из Мульты переписывал, – пояснила она, – Тима Утятников. В шестнадцать лет в Катунь утонул, лет уж тридцать тому назад – то ли в сорок восьмом, то ли в сорок девятом году.

Я перелистал несколько страниц сероватой толстой бумаги с замусоленными уголками. Каждый стих начинался с новой страницы. Заглавия выделены красным с синим: «О потопе», «Человек живет

как трава растет...», «О пустыне», «О мучениях Господа Иисуса Христа». Сам текст был написан обыкновенными фиолетовыми чернилами.

Не успел я просмотреть и половины книжки, как в сенях опять раздался шум. Хозяйка взяла у меня книги, положила на стол и накрыла какой-то тряпицей.

Вошли четверо ребятишек лет семи-восьми. Увидели незнакомого человека и, не спуская с меня глазенок, молча расселись на печном приступке. По всему видно, что изба Феклы Семеновны им не в новинку.

– Приятели ваши? – обратился я к старушке.

– Через день да зайдут, – улынулась хозяйка.

А ребята молча сопят и во все глаза смотрят на незнакомца. Фекла Семеновна, продолжая улыбаться, встала посреди избы, как раз против ребят, хлопнула себя по бокам и спросила: «Ух, вы, ребяточки хорошие, чем же я вас угощать-то буду?». Задумалась немного, но тут же нашлась: «Сейчас ягодок принесу!».

Старушка вышла в сени и несколько минут спустя вернулась с горстью маленьких красненьких ранеток. Начала с крайнего. Тот молча взял несколько крошечных мороженных яблочек.

– Санька, скажи, – учила его старушка, – спаси ты Бог.

– Спаси ты Бог, – повторил малыш.

– Перекреститься надо, как крестятся-то? – спрашивает хозяйка.

Санька крестится и начинает жевать яблочки.

– Васька, – обращается Фекла Семеновна к следующему, – что молчишь?

– Спаси ты Бог, – бормочет тот и смешно крестится.

А белобрысенький Петька спешит: «Я уж сам сказал – спаси ты Бог», – и тянется за ранетками.

– Вот ваши-то дяди, тетки да матери с отцами, не помню, Санька, ходила мать-то твоя ко мне, такие же, как вы, были. Их матери учили креститься и молитву святую читать. А вас уж не учит никто, матери-то не учат. Смотрите, как вырастите, не деритесь, не материтесь, не курите и водку не пейте, как отцы-то ваши.

– А я и не умею материться, – вставил свое слово в ее тираду один из малышей.

– Что, Санька, – опять обращается к малышу хозяйка, – отец-то все пьет, дома-то ночевал?

– Ночевал, – отвечает Санька, – обещался чушку заколоть, да ушел. Опять напьется, – вздохнул малыш.

– А мой тятя напился и ночевал у Кольки, – вставил про свое другой.

– На полу? – деловито спросил его сосед.

– Нет, на кровати.

Фекла Семеновна, пригорюнившись, слушает их и вдруг спохватывается: «Шапки-то снимите, в шапках в избах нельзя!».

Ребята послушно стянули шапки. Один Васька не мог снять – она у него туго завязана на макушке.

Хозяйка достала с полки и дала им по прянику.

– Не крошите, – учит она, – хлеб ни в коем случае нельзя топтать. Хлеб – Христово тело.

– Это не хлеб, а пряник, – отозвался один из гостей.

– А пряники-то из муки, все одно хлеб, – поясняет Фекла Семеновна. – Давно шипко дорожили хлебом старые люди, ни по зернышку ни ступить! Хлеб-то он трудом достается, собирают по зернышку. Сперва-то, говорят, на всей соломинке были зернышки. Да баба одна пекла блины, ее мальчишка-то и наклал на пол. Она, дура, блином за ним и убрала. Господь осердился, всю соломинку хотел одернуть, чтоб ни зернышка не осталось! Да Богородица-Заступница, спасибо ей, за вершинку-то ухватила, и осталось людям несколько зернышек.

Ребята молча слушают и жуют.

– Ну, ребятёшки, доедайте и идите, – торопит их хозяйка.

– А я не наелся, – говорит Санька.

– Ну, милой, ты не сгинешь, – восклицает старушка. – На вот тебе, дам еще с молитвой.

– И я хочу, – запросил другой.

– Хорошего – не помножку, – начинает сердиться Фекла Семеновна. – Что хозяйка даст, то и бери, а просить нехорошо. Раньше, бывало, ходят странники, стихи поют, милостинку собирают. В окошко постукивают – «Подайте, ради Христа, светлую милостинку от своих трудов праведных...», – что им дадут, то и возьмут и пошли.

Не дождавшись, как Санька, второго пряника, ребята ушли.

Мне хотелось еще раз подольше и повнимательнее посмотреть сборник и, если можно, то прочесть, а еще лучше – переписать или переснять его. Однако старушка молча убрала книги на полаты, и я решил дожидаться более благоприятного времени и попросил Феклу Семеновну еще раз показать сборники. Она охотно достала их с полатей.

Я начал листать второй, который еще не успел посмотреть. Он был написан тем же почерком, что и первый, но на простых листах в клетку из школьной тетради. Первая его половина была написана довольно аккуратно, в середине почерк стал более небрежным, а под конец уж совсем испортился. Я полистал его и вернулся к первому. Нашел здесь много стихов, не замеченных сначала. Тут были классические стихи – об Иосифе Прекрасном (их в сборнике целых три), «Никон», откуда мне запомнилась сцена, в которой дьявол нашептывает на

уху патриарху, как устроить всякие козни против православных христиан, «Аввакум» («В Даурии дикой...») со знаменитым диалогом протопопа и протопопицы на льду Байкала. Там были еще стихи «Молодой пустынный» – о юноше, прожигавшем жизнь, потом ужаснувшимся на себя и ушедшем в пустыню, чтобы вести праведную жизнь. В стихах «О гонении» (кстати говоря, это один из любимых старообрядческих мотивов) мне запомнилось начало: «Здесь везде одно гоненье и пристанища нам нет. Пытки, вечные мученья...». Были здесь и стихи о самом, пожалуй, популярном событии старообрядческой истории – «О соловецких старцах». В каких-то стихах запомнилось упоминание о странниках и бегунах, о паспортах, печатах.

Словом, довольно быстро я понял, что сборники, несомненно, очень интересны. Просидев над ними часа два, я сообразил, что прочесть их по-настоящему смогу дня за два, не меньше. Читать быстрее мешали и непривычное письмо, и малознакомое содержание. Специально духовными стихами я никогда не занимался, поэтому об их содержании имел весьма приблизительное понятие. В общем же курсе русского фольклора, который я в свое время прослушал в университете, о них ничего не говорили. Да и нынешние университетские учебники о них молчат. Видимо, авторов смущает их «духовное» содержание. Хорошо еще, что за несколько месяцев до отъезда на Алтай я прочел сборник статей о соотношении письменных и устных традиций в духовной жизни русских крестьян Верхней Камы (среди которых было немало старообрядцев) в конце прошлого – начале нашего века. Из них-то я в основном и узнал кое-что об этой интересной части русского фольклора. Несколько духовных стихов вместе с образцами местных свадебных и рекрутских песен приводилось в приложении к этой книге.

И этого было достаточно, чтобы понять, что попавшиеся мне сборники надо бы переписать, а еще лучше – переснять на фото пленку. Попробую спросить у Феклы Семеновны, может быть, разрешит.

– Нет, грех на мне будет, – ответила она на мой вопрос. – Вон у... – она назвала какое-то женское имя, – иконы фотографировали, так ей плохо было.

– А если списать?

– Нельзя. Да и книги не мои, узнают, грех на меня ляжет.

– Да нет здесь греха, – стал я уверять хозяйку, – мне же не для плохого дела. Ведь помрут старики, книги пропадут, и никто знать не будет, какая в них красота. А если уж вы считаете, что грех, так пусть он на мне будет.

– А тебе пошто, по телевизору показывать, смеяться над нами?

– Да нет, что вы! Нравятся мне они.

– Коли нравятся, так читай, а я тебе спою.

– И мы начали. Я читал вслух, а Фекла Семеновна по памяти пела. Начиная новый стих, она пробует мелодию – правильно ли взяла. Иногда споет немного, скажет: «Нет, не так-то» – и начинает снова. Мелодия звучала довольно необычно, но приятно.

Следя за ее пением по сборнику, я заметил, что она то и дело поет по-иному, чем в тексте. Это характернейшая черта всех видов фольклора – и исполнителями, и слушателями текст воспринимается обычно устно и никогда не повторяется слово в слово. И хотя духовные стихи в отличие от других видов фольклора довольно часто переписывали, но запоминали и их преимущественно на слух. Сборники же служили не столько для дословного воспроизведения, сколько для напоминания об уже известном тексте.

Так что, если бы мне и удалось переписать сборник, то это был бы лишь один из вариантов. Другой вариант этих же стихов, хотя и близкий к первому, но в чем-то и отличный от того, что в сборнике, мне пропела Фекла Семеновна.

Духовные стихи, хотя и несколько чаще исполнялись старообрядцами, однако отнюдь не ограничивались лишь их средой. Их пели, обычно в посты, и православные крестьяне. Эти стихи были основой репертуара нищих, «калик перехожих», как их называли на Руси. Среди православных, конечно, не были популярны стихи о старообрядческих героях (Аввакуме, Гучкове) и антигероях (в первую очередь о Никоне), а также чисто старообрядческие сюжеты – о гонениях, бегунах и т. д.

Вот поэтому-то мне и надо бы, если уж Фекла Семеновна не даст переписать весь текст, записать хотя бы названия стихов. Это позволило бы составить представление о местном репертуаре. Примерно такие мысли мелькали у меня в голове, пока я вслух читал стихи, а старушка мне подпевала.

Наш дуэт ненадолго прервала соседка Феклы Семеновны – высокая старуха с добрыми живыми глазами, так же, как и хозяйка, повязанная темным платком. Войдя, она молча перекрестилась на иконы и только затем поздоровалась. Потом прошла к столу, поставила на него блюдо и откинула полотенце. Под ним оказались еще теплые пирожки.

– Угощайтесь, только испекла, – предложила нам гостя.

Возможно, пирожки были только предлогом, чтобы зайти к соседке и поглядеть на засидевшегося у нее гостя. Однако, если это было и так, то свое любопытство старуха крепко держала в узде, не давая ему сорваться в суету вопросов, и только живые глаза показывали, что дается ей это нелегко.

Старушки немного посидели, обмениваясь самыми последними деревенскими новостями, и ско-

ро соседка засобиравшись домой. Видимо, она почувствовала, что прервала нашу беседу, и, как человек деликатный, решила нам больше не мешать. Фекла Семеновна не стала ее удерживать. Мне показалось, что хозяйку несколько вдохновил мой интерес к стихам, и она не прочь была попеть их еще.

Кстати, оба сборника, слышав шум в сених, я успел убрать со стола и положил на лавку, накрыв их своей шапкой. Когда соседка ушла, Фекла Семеновна, конечно видевшая, где лежали книги, слегка пожурела меня: «Нехорошо так-то класть, книги святые, а здесь нечисто».

– Нет, лавка чистая, – ответил я, не сразу поняв, о какой чистоте идет речь.

– Не о видимой грязи говорю, – пояснила хозяйка. – Стол чистый, на нем едят, на него и книгу положить можно, а на лавке сидят, потому и грязная она.

Тогда я вспомнил, что ведь и действительно, когда перед приходом ребят старушка спрятала книги, то не стала убирать их со стола, хотя сделать это было бы нетрудно, а просто накрывала их тряпицей.

– Какой мы стих пели? – спросила хозяйка.

– «Молодой пустынный».

– А где что там?

– «О Никоне».

– Никон-то проклятый, от него вся Россия раскололась, а то все одинаки были, – заметила Фекла Семеновна. – Ну читай, а я квашню поставлю, пока светло.

Пока я сидел в избе, солнечное, с прозрачно-голубыми пятнами на снегах утро сменил ярко сиявший день, затем пошли синие тени и незаметно подступили сумерки. Чтение невольно пришлось прервать.

– Давай я тебя покормлю, – спохватилась хозяйка, – весь день голодный просидел.

– Не откажусь, – ответил я, и впрямь почувствовав голод. Старушка стала разогревать на маленькой железной печурке, стоявшей рядом с печью и не затухавшей весь день, суп и картошку. После еды налила мне заваренный на красном корне чай и разбавила его молоком, отчего он приобрел приятный розоватый цвет. Тем временем в доме стало совсем темно. Хозяйка достала плошку с растопленным салом, в котором плавал фитилек.

– Свет-то у меня плохой, – зажигая потрескивающий фитилек, сказала старушка, – сальничек только, свечка-то сгорела. А свет я не провожу, за грех считаю.

– А вы бы лампу купили.

– Лампу тоже нехорошо, да и керосину у нас давно не продают. У Поткиных-то свет есть? Вчера ведь полдеревни без свету осталось. Чтой-то у них, говорят, изломалось, одна линия только работала.

Сегодня-то как будет?

Фекла Семеновна подошла к окну и, почти при-слонившись лицом к стеклу, стала вглядываться в темноту, встревоженную редкими еще огоньками.

– У соседей светит, и под горой свет горит, там, кажись, первая линия, – сообщала свои наблюдения старушка. – А Володиной избы не видно, не знаю уж, какая у них линия, да ничего, если и нет, лампу зажгут. Наде-то, поди, тетради проверять.

– Ничего, как-нибудь вечер просидим, – откликнулся я.

– Так ты сейчас пойдешь или еще читать будешь?

– Почитаю, если вы не против.

– Читай, читай, а ночевать-то иди у мужика.

Еще часа два просидел я в избе Феклы Семеновны. И лишь когда ненадолго отрывался от книги, замечал, как в углах шевелился мрак. Повинуясь живому колеблющемуся огоньку сальника, он то съезжился и прятался в углах, то тихо выползал на середину комнаты, то ходил за темной фигурой хозяйки.

Следующий день я провел в беседах с двумя другими пожилыми жителями Уймоны, а к вечеру решил подняться на небольшой отрожек хребта при выезде из деревни. Когда я спустился вниз, наступили уже поздние сумерки. Идти к Поткиным было рано – они еще на работе, и я решил зайти к Фекле Семеновне.

Открыв дверь в ее горницу, я застал жутковатую, на первый взгляд, картину. В полумраке, загромождавшая собой маленький огонек сальника, стоявшего на столе, хозяйка делала что-то непонятное с лысой головой мужика, сидевшего на табуретке в проходе между печкой и кроватью. Их темные фигуры отбрасывали причудливые, еще более темные тени, шевелившиеся на стене и печке. Мрачный колорит сцены чем-то напомнил мне «Тайную вечерю» художника Ге.

Но уже в следующую минуту все стало на свои места – Фекла Семеновна «пользовала» от головной боли своего сына, которого, как и ее племянника, зовут Федей. Со слов хозяйки я знал, что он мучается уже не один день, но его самого видел впервые.

Пока Фекла Семеновна завершала свое дело, я успел разглядеть ее сына. Это был крупный и весь какой-то круглый мужик лет сорока с небольшим. Он спокойно сидел на табурете, положив ноги в белых шерстяных носках на его перекладину. Одет он был в старые мятые штаны и байковую рубашу в клетку. На мясистом, немного расплывшемся лице выделялись большой широкий нос и толстые губы.

Уморившись «шоркать», Фекла Семеновна туго перевязала голову сына платком и устало села на лавку.

– Побудь так-то, должно пройти, – сказала она сыну.

– И давно у вас голова болит? – спросил я.

– Да он у меня на тракторе работает, – ответила за сына старушка, – а лет пять назад упал с трактором-то. Лесины таскал в сопках и перевернулся. И вдругорядь падал. Так ему врачи уж говорили – надо, дескать, уходить с трактора-то, он же трясется проклятый, да грохочет, да воняет.

– Им-то что – уйти! А куда уйдешь, – возмущенно откликнулся Федя.

– И пить тебе, Федя, нисколько нельзя, а ты что делаешь, почто мучаешь меня-то?

– Опять ты, мать, за свое.

– Опять. Мне, чай, тебя жалко. А Бог-то, Федя, он с меня за вас спросит, не помирует.

– Ну вот еще, мы пьем, а с тебя спрос. С нас и спросят, – улыбается Федя.

– А как вы его лечите? – спросил я хозяйку.

– Пошоркаю, да туго голову-то повяжу, и все лечение. Ему трава одна помогает, криводенка зовется, да нет ее у меня. Нонешним летом на покосе не была, не собрала.

– Какая же она на вид?

– Стволик у нее кривой, коленчатый, зонтик на конце. Ростом до пояса, да и повыше бывает. Раз на покосе у Феде тоже разболелась голова, так я обклала ее травой – он, вишь, лысый у меня, – платок нижний с головы сняла да обвязала и говорю, как с носа перва капля упадет, так голова пройдет. Он робил, а потом капля упала, он и вспомнил, – правда, мама, голова-то не болит.

– А еще какие травы помогают?

– Да много тут всяких. Золотой корень ты, должно, знаешь. Про него все знают. А мне, так он не нравится. Вот еще душна трава. Вы-со-ка! Под вид мухомору цветок вылезает.

– И от чего же она?

– Почитай от всех болезней. А вот еще ракитник – кустики небольшие, желтые цветочки на них. Взваривают и пьют. От лихоманки, от грыжи, от испуга. Кошкara – от малярии, от лихоманки. Душная шипко-то.

– Блошника, бухтарминские говорят – матрешка, – продолжала свой перечень хозяйка. – Успокоительная. Чертополох – от испугу. Трехцветка, ее еще горечавкой зовут, на белках растет, тоже хорошая трава. А уж чай заваривать – не счесть. Бадан, смороденчик, брусничник – все в чай кладут. Чебрец, богородскую траву тоже заваривают, запашистый, вкусный чай из ее.

– Да мы здесь по чаям ходим, – подтвердил материны слова Федя. Как в горы едем, про чай не беспокоимся, нарвем травы и пьем.

– Федя, я сегодня на сопку за деревней подни-

мался, хотел Уймон сверху сфотографировать...

– Это где же?

– Прямо за заправкой.

– А, за кладбищем.

– Высоко на хребте видел следы и слышал крики – как будто собака лает, но короче и вроде бы глуше. Это не козлы были, как ты думаешь?

– Рогачи, – спокойно подтвердил Федя.

– Так близко к деревне?

– Они зимой всегда вниз спускаются, на пожнях пасутся, а то и к стожкам подойдут. А как снег сойдет, рогач на белки повалит.

– Пошто, – как-то машинально, думая, видимо, о чем-то другом, спросила его мать.

– Там комара меньше, сдувает.

Ну что ж, поговорили, пора, наверно, и уходить, подумал я. Сегодня хозяйке не до стихов.

Она посмотрела на меня понимающе-извинительно и спросила сына: «Ночевать-то домой пойдешь?».

– Да ну, – тянет он.

– Голове-то полегче? – спросила она.

– Вроде полегче.

– Ты бы поел да спать ложился и мне бы отдых дал.

– Успею еще, – ворчит Федя.

Я, поднявшись, попрощался. Старушка проводила меня в сени и шепнула: «Завтра приходи, Федя на работу уйдет».

Наутро был мороз. Розовели горы, прямо в чистое небо упирались дымы, и над Теректинским гребнем стоял бледный ущербный месяц.

По избе Феклы Семеновны по-прежнему ходил в своих белых шерстяных носках Федя, а мать уговаривала его пойти на работу.

– Сердце за тебя избаливает, Федя, – говорила она. – Сходи ты в мастерские, покажись начальству. Три дня ведь не ходил.

– Пойду сейчас, – отвечал сын. – Да делать там нечего, деталей нет, а без деталей какой ремонт, без толку просидишь.

– Может, чего другое велят делать, им видней, – возражает мать, – а ты все-таки на работу-то пойди.

Федя немного поворчал – и зачем-то он на этот трактор сел, пошел бы лучше в табунщики. Вон как они живут – три-четыре года и машина, а на тракторе одна морока, но все же оделся и ушел.

Хозяйка достала сборники, и я сел их читать. Не отрываясь, просидел я над ними до обеда, а старушка тем временем возилась у печи, иногда выходила в холодную половину и раза три выбегала на улицу. Помаленьку я стал записывать в свой полевой дневник названия стихов и их первые строки, надеясь потом с помощью уже опубликованных стихов составить представление о здешнем репертуаре.

Фекла Семеновна, кажется, ничем не выражала своего недовольства – то ли, занятая хозяйством, она не замечала моих записей (а я, естественно, старался не злоупотреблять бумагой и ручкой), то ли уже привыкла ко мне и смирилась. Однако, дойдя почти до середины большого сборника, я стал замечать ее тревожные взгляды, изредка бросаемые в мою сторону. Потом, буквально на глазах, тревога в ее лице и во всей фигуре стала нарастать, она все чаще останавливалась и бросала на меня укоризненные взоры. Я тоже молчал и старался делать записи как можно короче и незаметнее. Но было уже поздно.

Наконец тревожное молчание стало невыносимым, и я спросил:

– Фекла Семеновна, что вы так беспокоитесь?

– Бога боюсь. А вдруг в кино или в телевизор уйдет это святое писание. Из моих-то рук...

– Говорил же я вам, что ничего плохого делать не собираюсь, а вы все боитесь.

– Боюсь. Душа моя за это в ад попадет.

– Ну что ж, давайте я тогда вырву эти листы.

– Пожалуй.

Я с треском выдрал сделанные в этот день записи и подал листы старушке: «Возьмите и делайте с ними что хотите».

– А ничего не оставил?

– Нет, все вырвал.

– Вот и хорошо, успокоил ты меня. Ты уж не обижайся.

– Я не обижаюсь, хоть мне и жалко отдавать. Но раз вы не можете, не хочу вас заставлять.

– Так лучше будет, – ответила вмиг просветлевшая старушка. Твердо надо стоять, а то бесы-то над нами власть возьмут.

Остаться дольше было нельзя, я распрощался с хозяйкой и вышел. Обида и злость на старуху не отпускали меня до самого дома. Но понемногу я успокоился и понял, что сам виноват.

«Конечно, это суеверие и фанатизм, но ведь ты понял это с самого начала, – ругал я себя. – Вольно же было тебе поддаться своему желанию и упорствовать вопреки чужой воле. Ведь она же сразу ясно сказала, что не даст переписать сборники. И нет ей дела до твоих половинчатых решений – переписать хотя бы кое-что. Нет – значит нет, и ничем другим быть не может. Старуха в общем оказалась молодцом».

Хоть досада на Феклу Семеновну вскоре прошла, но все же осталось сожаление, что не удалось сделать новых записей стихов, в последние десятилетия мало исследуемых. В университетских учебниках по русскому фольклору о них не пишут уже более сорока лет, а исследования о них за последние полвека ограничиваются всего несколькими ста-

тнями. Основные публикации текстов этих стихов выходили еще до революции и с тех пор не переиздавались. Лишь в самые последние годы в публикациях записей фольклора, сделанных в наше время, были напечатаны немногие наиболее известные из них: стих об Алексее, божьем человеке, о богаче и бедном Лазаре, о Егории Храбром, Голубиная книга,

будто бы упавшая с неба, и некоторые другие.

Об одной из причин подобного отношения к духовным стихам писал известный наш фольклорист В. Я. Пропп: «В этих стихах народ выразил некоторые свои религиозные представления. Может быть, по этой причине советская наука мало интересовалась этими произведениями».

ONE OLD WOMAN (FROM THE FIELD DIARY OF THE AUTHOR)

Abstract. Limiting himself to the framework of a scientific essay, the author sets himself the task of preserving the integrity and integrity of the field material, which, during research analytics, as a rule, is completely sprayed, spread into quotations, preserving, at best, the «leaven» – confirmation of authenticity – for the author's scientific research. Here, the authenticity speaks for itself, and it is important for the researcher to reach the level of folk dramaturgy, to show, «like in a drop of water», that any conversation «in the field» is not accidental. Who paints these roles and plots, the author does not think, but it is important for him that both «roles» and «plots» are present, although his meeting with an ordinary resident of the Altai Territory, Fekla Semyonovna, seems to be of an accidental nature. This is an ethnographic scientific story. This is the author's methodology here.

Key words: field ethnographic research, ethnographic scientific story, Gorno-Altai region, Old Believers, bookishness.

For citation: Savoskul, S. S. 2022. One old woman (from the author's field diary). *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)* 31: С. 59–67.

